

трудами по славяно-русскому языкознанию. Последнее возникло сравнительно недавно и имѣеть немногихъ представителей въ средѣ русскихъ лингвистовъ. Историческій и сравнительный методы одинаково основываются на представлении о языкѣ, какъ о матеріальномъ объектѣ для нашего наблюденія, какъ объ организмѣ, который, какъ и всякій организмъ, развивается и растетъ по своимъ особымъ законамъ. Отсюда тѣсная связь этихъ двухъ методовъ, выражающаяся въ соединеніи сравнительнаго и историческаго направленій въ большинствѣ изслѣдованій по ц.-славянскому и р. языкамъ.

А. *Сравнительно-историческое изученіе* русскаго языка такъ же тѣсно связано съ изученіемъ языка церковнославянскаго, какъ и самые эти языки. Кромѣ того, приблизительно съ тою же послѣдовательностью методологическихъ идей шло изученіе другихъ славянскихъ языковъ, касавшееся неизбежно и языковъ ц.-славянскаго и русскаго. До начала 19 в. славяно-русскія грамматики (М. Смотрицкаго, Крижанича, Ломоносова и др.) имѣли характеръ описательный, а не научный. Факты, представляемые языкомъ въ извѣстную эпоху его существованія, просто систематизировались, располагались по извѣстнымъ рубрикамъ и подводились подъ опредѣленные правила. Явленія, не входившія въ рамки этой схемы, признавались неправильностями, исключениями. Даже въ замѣчательныхъ для своего времени трудахъ патріарха сл. филологіи Добровскаго (1753—1829) еще нѣтъ настоящаго историческаго освѣщенія славянскихъ языковъ (*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* и др.). Отношеніе между этими языками для него не было яснымъ, такъ что церк.-славянскій языкъ онъ отождествлялъ съ сербскимъ, а въ классификаціи славянскихъ языковъ о болгарскомъ у него нѣтъ даже упоминанія.—Собственно историческое изученіе ц.-славянскаго и русскаго яз. начинается съ Востокова (1781—1864), частіе съ его „Разсужденія о славянскомъ языкѣ“ (1820), въ которомъ впервые было высказано правильное сужденіе объ отношеніи славянскихъ языковъ между собою, о составѣ, звукахъ и строеніи ц.-слав. языка въ древнѣйшемъ его видѣ и въ позднѣйшихъ измѣненіяхъ. Труды Востокова, по приѣмамъ научнаго изслѣдованія и основнымъ взглядамъ автора, представляютъ собою какъ бы программу,

къ выполнению которой стремилась филологическая наука въ послѣдующее время. Срезневскій отмѣчаетъ три важныя заслуги Востокова: 1) ознакомленіе со множествомъ памятниковъ славянской и русской письменности; 2) указаніе палеографическихъ данныхъ для приуроченія древнихъ памятниковъ къ опредѣленному времени и разряду; 3) рядъ филологическихъ открытій (о природѣ носовыхъ звуковъ, о значеніи глухихъ и др.), которыми опредѣлялись коренныя признаки древняго цер.-слав. языка и объяснялись историческія измѣненія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Наконецъ, классическимъ изданіемъ Остромирова Евангелія Востоковъ такъ же положилъ начало изданію другихъ памятниковъ, какъ своимъ „Описаніемъ русск. и слав. Рукоп. Румянцевскаго Музеума“ (СПБ. 1842) далъ блестящій образецъ для другихъ подобныхъ описаній, предпринятыхъ нашими филологами и палеографами и доставившихъ обильный матеріалъ для грамматическихъ изслѣдованій. Замѣчательнъ также составленный Востоковымъ богатѣйшій словарь ц. слав. языка (1858—1861), въ которомъ онъ воспользовался матеріаломъ изъ огромнаго количества рукописей, доступныхъ только ему одному. Что касается грамматики его („Русская грамматика, по начертанію сокращенной полнѣе изложенная“, 1831), то она основана главнымъ образомъ на наблюденіи надъ современнымъ литературнымъ языкомъ, такъ какъ собранный Востоковымъ историческій матеріалъ былъ все-таки недостаточенъ для построенія на основаніи его исторической грамматики. Так. обр., общее направленіе трудовъ Востокова—чисто эмпирическое. Оно требовало предварительнаго изученія источниковъ, извлеченія изъ нихъ по крупницамъ фактическихъ данныхъ для опредѣленія состоянія языковъ въ ихъ древнемъ состояніи и въ историческомъ развитіи.—Такимъ же пониманіемъ задачъ славяно-р. филологіи воодушевленъ былъ и современникъ Востокова Калайдовичъ, отличавшійся, впрочемъ, гораздо меньшей филолог. эрудиціей. Въ его замѣчательномъ трудѣ „Іоаннъ Экзархъ Болгарскій“ (1824) находимъ цѣнное описаніе, со стороны палеографической и филологической, списковъ перевода Іоанна, экзарха болгарскаго, книги о правой вѣрѣ Іоанна Дамаскина (XII в.) и списка Шестоднева 1263 г.

Вмѣстѣ съ историческимъ изученіемъ довольно рано, съ

конца 20-х годовъ начали появляться у насъ также и работы сравнительнаго характера. Таковы грамматич. этюды акад. Грефе, свящ. Конст. Экономида, „Этимологическій словарь русскаго яз.“ Рейфа (СПБ. 1835—36). Русскій и ц.-слав. языки привлекались также къ изученію въ классическихъ трудахъ по сравнительному языковѣдѣнію Воппа, Гумбольдта, Потта, Гримма. Очень яркое примѣненіе къ изученію русскаго языка сравнительный методъ нашель себѣ въ „Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка“ (первое изд. въ 1841—2; второе въ 1850) прот. Павскаго. Но широкая задача, навѣянная западно-европейскими трудами, значительно превышала тѣ средства, которыми, при отсутствіи основательныхъ, подготовительныхъ работъ, располагалъ Павскій. Свой методъ онъ опредѣляетъ такъ: „зная, что нашъ русскій языкъ принадлежитъ къ большому семейству образованнѣйшихъ во всемъ свѣтѣ языковъ, я взялъ грамматическій составъ всѣхъ однородныхъ языковъ, отмѣчалъ сходства и несходства ихъ съ нашимъ языкомъ и старался узнавать отличительное его свойство и мѣсто, какое онъ занимаетъ въ порядкѣ родственныхъ языковъ“. Въ дѣйствительности опредѣлить свойства русскаго языка и мѣсто его въ ряду другихъ языковъ Павскій не могъ, во 1-хъ, потому что онъ мало касался исторіи языка, во 2-хъ, потому что, не находя для себя руководящихъ принциповъ, онъ иногда слишкомъ произвольно сопоставлялъ русскія слова съ словами другихъ языковъ, въ 3-хъ, потому что иногда такой же произволъ допускалъ онъ и въ объясненіи фактовъ языка (какъ, наприм., теорія „придыхательныхъ“ ѣ и ъ, „самоуправство“ выговора и проч.)—Къ этому же направленію должна быть отнесена диссертація Каткова „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ (М. 1845), хотя и уступающая трудамъ Павскаго въ послѣдовательности метода, но выгодно отличающаяся отъ нихъ историческимъ объясненіемъ нѣкоторыхъ звуковыхъ явленій. Между прочимъ, наблюденіе надъ памятниками привело Каткова къ заключенію о существованіи въ русскомъ языкѣ т. наз. „второго полногласія“, вполнѣдствіи точнѣе объясненнаго Потебней.

Научные горизонты русскихъ филологовъ значительно расширились послѣ путешествія первыхъ нашихъ славистовъ—Прейса, Бодянскаго, Срезневскаго, Григоровича—за

границу, въ славянскія земли. Это путешествіе познакомило ихъ съ современными теченіями въ германской и славянской филологіи и съ живыми славянскими языками. Въ результатъ появилось нѣсколько изслѣдованій, касавшихся главнымъ образомъ первоначальныхъ судьбъ церковно-слав. языка. Назовемъ научныя статьи Прейса („Донесенія“ мин. нар. проsv. въ Ж. м. в. пр. 1841, 1842 и 1843 гг.), впервые включившаго въ кругъ своего изученія литовскій языкъ; изслѣдованіе „О времени происхожденія славянскихъ писменъ“ (М. 1855) Бодянского, заключающее въ себѣ критическое обзорѣніе всѣхъ данныхъ и мнѣній ученыхъ по вопросу о происхожденіи кириллицы, азбуки болѣе древней, по Бодянскому, чѣмъ глаголица; различные труды В. И. Григоровича, впервые пробравшагося въ турецкую Болгарію и вывезшаго оттуда множество драгоценныхъ рукописей (Маріинское Еванг. и др.) и настаивавшаго на преимущественной древности глаголицы.—И. И. Срезневскій въ 1849 г. выступилъ съ „Мыслями объ исторіи русскаго языка“ (2-ое изданіе 1887 г.), составившими эпоху въ области историческаго изученія русскаго языка и являющимися предтечей болѣе поздней „Исторической грамматики“ Буслаева. Разсмотрѣвъ во введеніи общіе законы историческаго развитія языка (опираясь на Гримма и Потта), авторъ далѣе пробуетъ примѣнить ихъ къ исторіи русскаго языка. Съ первыхъ же словъ своей рѣчи онъ настаиваетъ на необходимости именно историческаго изученія языка, и при томъ въ связи съ изученіемъ исторіи народа, такъ какъ исторія языка въ сущности неотдѣлима отъ исторіи народа. Отсюда задача изученія языка у Срезневскаго сводится къ рѣшенію двухъ вопросовъ: 1) „Что былъ языкъ народа въ то время, когда народъ, какъ особенный народъ, отдѣлился отъ другихъ народовъ своего племени? 2) Какъ постепенно измѣнялся языкъ въ народѣ, примѣняясь къ его особенному положенію, къ его личной народности, къ успѣхамъ его образованности, внѣшней и внутренней, какъ сохранялъ и распространялъ ее?“ (2-ое изд. 13—14). При рѣшеніи этихъ вопросовъ, по Срезневскому, нужно обратить вниманіе: 1) „настрой и составъ языка и 2) на его измѣненія въ отношеніи къ его естественной измѣняемости и къ обстоятельствамъ внѣшнимъ, которыя имѣли вліяніе на его измѣненія въ

народъ и литературѣ“ (14). Опреѣленіе строя и состава „древняго первобытнаго языка русскаго“ сводится въ „Мысляхъ“ лишь къ указанію общихъ исконныхъ чертъ языка, такъ какъ исторія языка русскаго есть только продолженіе исторіи языка общеславянскаго, а эта послѣдняя имѣетъ свои корни въ исторіи языковъ общеиндоевропейскихъ. Въ замѣчаніяхъ Срезневскаго объ историческомъ развитіи русскаго языка особенную цѣнность имѣютъ его мысли объ отношеніи древняго языка книжнаго къ простонародному и объ образованіи различныхъ нарѣчій. По его мнѣнію, древній народный русскій языкъ отличался отъ древняго ц.-славянскаго лишь очень немногими звуковыми и формальными особенностями. Разница между ними стала значительной только съ XIII—XIV в., когда русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Къ этому же времени Срезневскій отнесъ и образованіе мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. Правда, еще и до XIII в. появились нѣкоторыя особенности мѣстныхъ говоровъ, „но только говоровъ, а не нарѣчій“.—Вмѣстѣ съ замѣчательнымъ освѣщеніемъ исторіи русскаго языка въ „Мысляхъ“ Срезневскаго находимъ также полную программу методологическихъ приѣмовъ изученія исторіи русскаго языка и его говоровъ. „Каждый изъ старыхъ памятниковъ языка, говоритъ онъ, долженъ быть разобранъ отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ“... (98). „По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ отгѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п.“... (98). „Современный языкъ литературы и образованнаго общества должно разобрать также отдѣльно и подробно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ, литературномъ“... (99). Только послѣ такого отчетливаго монографическаго перебора памятниковъ языка стараго и современнаго, книжнаго и народнаго, Срезневскому казалось возможнымъ составленіе историческаго словаря и исторической грамматики. При этомъ, историческое изученіе языка, по Срезневскому, не можетъ быть вполнѣ успешнымъ безъ сравнительнаго. Русскій языкъ долженъ быть разсматриваемъ исторически и обязательно въ связи съ другими сродными языками и соплеменными

нарѣчіями. Так. обр. „Мысли“ являются геніальной программой историко-сравнительнаго изученія русскаго яз., для осуществленія которой самъ Срезневскій сдѣлалъ такъ много въ цѣломъ рядѣ своихъ цѣнныхъ работъ и классическихъ изданій „Древніе пам. русск. письма и языка“, 1863; 2-ое изд. 1882; „Древніе глаголич. памятники сравнительно съ памятниками кириллицы“ СПб. 1866; „Древніе славянскіе памятники юсого письма“ 1868; „Славяно-русск. палеографія“, 1885; „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизв. памятникахъ“, 1867—1879 и мн. др.).

Программа, завѣщанная русскимъ филологамъ Востоковымъ и Срезневскимъ, выполнялась одновременно различными способами. Во 1-хъ, постепенно издавались и приводились въ извѣстность различные памятники древне-слав. и др.—русскаго языковъ и словесности. Появился цѣлый рядъ научныхъ описаній рукописныхъ собраній различной степени обстоятельности и научности, отъ простаго перечня памятниковъ и указанія ихъ содержанія (труды Строева, Викторова, Бычкова, арх. Леонида и т. д.) до знаменитаго описанія ркп. Моск. синодальной бібліотеки Горскаго и Невоструева, представляющаго собою какъ бы рядъ монографій объ отдѣльныхъ памятникахъ древняго языка и литературы. Во 2-хъ, филологическая школа учениковъ и послѣдователей Срезневскаго обогатила науку значительнымъ количествомъ монографическихъ изслѣдованій, посвященныхъ различнымъ памятникамъ, и этимъ дала богатый матеріалъ для заключеній объ историческомъ развитіи ц.-слав. и русскаго языковъ. Такъ, В. И. Ламанскому принадлежитъ изслѣдованіе „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ“ (СПБ. 1864), въ которомъ, на основаніи фактическихъ данныхъ, періодъ превращенія формъ въ славянскомъ языкѣ отодвигается ко временамъ до-историческимъ. Г. А. Воскресенскій посвятилъ цѣлый рядъ трудовъ своихъ изслѣдованію слав. перевода Евангелія и Апостола. Главнымъ результатомъ этихъ изслѣдованій является разграниченіе 4-хъ, слѣдовавшихъ одна за другою, редакцій, отличающихся особенностями лексики и языка. Методъ и отчасти общіе выводы Г. А. нашли себѣ примѣненіе въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ трудовъ по исторіи слав. текста священныя книгъ (труды Евсѣева, Погорѣлова, Михайлова).

Переводъ твореній Златоуста, вошедшій въ составъ Злато-струя, нашель себѣ изслѣдователя въ лицѣ проф. Малинина; списокъ словъ Григорія Богослова (XI в.) изслѣдованъ Будиловичемъ. Въ 3-хъ, не переставали появляться, рядомъ съ монографическими изслѣдованіями, попытки болѣе или менѣе цѣльныхъ обобщеній въ области исторіи русскаго языка или отдѣльныхъ періодовъ и моментовъ въ его развитіи. Черезъ три года послѣ выхода въ свѣтъ „Мыслей“ Срезневскаго появилась диссертация П. А. Лавровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ (СПБ. 1852), въ которой на основаніи фактовъ, извлеченныхъ изъ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей и древнихъ актовъ, опредѣляются основныя свойства древняго русскаго языка и его измѣненія. Вслѣдъ за Срезневскимъ, онъ относитъ раздвоеніе русскаго языка на великорусское и малорусское нарѣчія къ XIII—XIV вв. Къ этому же времени относится, по его мнѣнію, и рѣшительное отдѣленіе русскаго языка отъ ц.-слав., совпадающее съ паденіемъ и превращеніемъ древнихъ формъ въ послѣднемъ изъ нихъ. Источникомъ для наблюденій надъ собственно русскимъ стариннымъ (съ XV в.) языкомъ могутъ служить, вмѣстѣ съ лѣтописями (XV—XVI вв.), также и произведенія народной словесности, сохраняющія въ себѣ признаки иногда довольно отдаленной старины. Наблюденія надъ сѣверными лѣтописями, грамотами, договорами привели изслѣдователя къ опредѣленію почти всѣхъ главнѣйшихъ особенностей древняго новгородскаго нарѣчія: мѣна *ц* и *ч*, мѣна *в* и *т*, *ѣ*—и обратно, *г*—*н* (оспожинъ вм. госпожинъ, княини); частыя окончанія прошедшихъ временъ на *хоуть*, *шетъ*; 3 л. личныхъ формъ безъ *ть* (*е*, *буде*) и др. Въ двухъ другихъ трудахъ Лавровскаго: „О русскомъ полногласіи“ (СПБ. 1859) и „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго срав. съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями“. (Ж. м. н. пр. 1859 г.) нужно отмѣтить преобладаніе сравнительнаго метода, къ которому долженъ былъ прибѣгнуть изслѣдователь. Русское полногласіе объясняется у него „подъемомъ“ слогаобразующихъ (въ славянскомъ праязыкѣ; ср. санскритъ) *р* и *л*.—Признаки новгородскаго говора, установленныя Лавровскимъ, за исключеніемъ мѣны *ц* и *ч*, общи съ особенностями южнорусскихъ памятниковъ и говоровъ. От-

сюда, при общемъ характерѣ положеній Срезневскаго, съ логическою послѣдовательностью вытекающъ выводъ, что древнѣйшія лѣтописи и всѣ другіе памятники домонгольскаго періода писаны людьми, говорившими великорусскимъ языкомъ, а не малороссійскимъ. Этотъ выводъ съ добавленіемъ, что „слѣдовательно и племя другое жило въ Кіевѣ, а не малороссіяне“ (ср. положеніе Срезневскаго, по которому исторія языка должна быть изучаема въ связи съ исторіей народа),— былъ сдѣланъ впервые Погодинымъ въ его письмѣ къ И. И. Срезневскому. Но это заключеніе, какъ слишкомъ послѣднее, встрѣтило себѣ возраженіе со стороны М. А. Максимовича, который въ своихъ „Филологическихъ письмахъ“ (Собр. соч. III т. 183—311 стр.) доказывалъ, что „южнорусскій языкъ образовался еще въ древнее дотатарское время, когда Кіевская Русь была представительницею русскаго міра, какъ послѣ татаръ стала Русь Московская“. Возникшая такимъ образомъ полемика по вопросу о происхожденіи и древности малорусскаго нарѣчія возобновлена была, при новомъ фактическомъ освѣщеніи, гораздо позже, въ 80-хъ годахъ, но вопросъ этотъ, мнѣ кажется, остается нерѣшеннымъ и до настоящаго времени.

Задача научнаго построенія исторіи русскаго языка, ясно сознавшая Востоковымъ и Срезневскимъ, нашла себѣ послѣ нихъ ревностнаго выразителя въ лицѣ Ѡ. И. Буслаева. Еще въ 1844 г. появился его трудъ „О преподаваніи отечественнаго языка“. Здѣсь находимъ точныя историческія данныя о звуковыхъ, формальныхъ, лексическихъ и стилистическихъ элементахъ русскаго языка. Сложившееся подъ вліяніемъ трудовъ Гумбольдта широкое представленіе о языкѣ, какъ о выразителѣ внутренней жизни человѣка, заставляло Буслаева искать матеріалъ для своихъ историко-сравнительныхъ построеній и въ древнихъ памятникахъ, и въ современныхъ говорахъ и діалектахъ. Въ другомъ своемъ трудѣ: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ (1848) Буслаевъ, какъ горячій послѣдователь Я. Гримма, разсматриваетъ ц.-слав. языкъ времянъ возникновенія славянскои письменности. Лингвистическими данными авторъ пользуется здѣсь для характеристики общаго культурнаго уровня древней эпохи. Важнѣйшій трудъ Буслаева: „Опытъ исторической грамматики русскаго языка“ (1858; послѣд. изданія—съ за-

главiемъ: „Историческая грамматика русскаго языка“; 5 изда- нiй) навѣявъ классическими трудами Шлейхера и Микло- шича, историческими грамматиками Я. Гримма (нѣмецкаго языка) и Дица (романскихъ языковъ). При всей своей важности, новизнѣ выводовъ и свѣжести матеріаловъ, извлеченныхъ изъ старинныхъ памятниковъ, Историч. грамматика пред- ставляетъ собою скорѣе собраніе данныхъ для исторiи языка, чѣмъ послѣдовательную исторiю. Всѣ данныя расположены въ системѣ грамматическихъ и синтаксическихъ категорiй. Недостатки грамматики Буслаева объясняются отчасти ея назначенiемъ служить учебнымъ руководствомъ. Въ pendant къ грамматикѣ, вскорѣ послѣ нея, Буслаевъ издалъ „Историч. христоматiю церковно-слав. и древне-русскаго языковъ“ (1861). Произведенiя здѣсь расположены въ хронологическомъ по- рядкѣ, при чемъ правописанiе исправлено, кромѣ 6-ти па- мятниковъ (изъ 39). Особенную цѣнность имѣютъ въ хри- стоматiи филологическія примѣчанiя, къ которымъ самъ Буслаевъ отсылаетъ читателя, въ примѣчанiи къ первой части грамматики, преимущественно за свѣдѣнiями объ эти- мологическихъ измѣненiяхъ по вѣкамъ, нарѣчiямъ и област- нымъ говорамъ русскаго языка.

„Историческая грамматика, распредѣляющая данныя языка по грамматическимъ категорiямъ, не одно и то же, что исторiя языка, которой задача—прослѣдить хронологически, послѣдовательно различныя совершавшіяся въ языкѣ, съ теченiемъ времени, измѣненiя и дать имъ объясненiя на исторической же почвѣ“. Этими словами Колосова опредѣ- ляется отличіе его „Очерка исторiи звуковъ и формъ рус- скаго языка съ XI по XVI столѣтiя“ (1872) отъ историче- ской грамматики Буслаева. Оригинальность этого труда за- ключается въ хронологическомъ распредѣленiи по вѣкамъ (XI—XVI) основныхъ звуковыхъ и формальныхъ особенно- стей русскаго языка. Фактическій матеріалъ не представ- ляетъ собою результата собственныхъ наблюденiй автора, но восходитъ къ уже изданнымъ памятникамъ и научнымъ трудамъ, преимущественно къ изданiямъ Срезневскаго и описанiю ркп. Синодальной библ. Горскаго и Невоструева. При отсутствiи широкихъ сравнительныхъ данныхъ въ этомъ трудѣ, лингвистическія замѣчанiя о различныхъ переходахъ звуковъ и формъ носятъ на себѣ иногда довольно произ-

вольный характеръ. Основной недостатокъ труда заключается въ полномъ почти отсутствіи діалектологическихъ свѣдѣній о древнихъ нарѣчіяхъ и мѣстныхъ говорахъ. Отсюда—усвоеніе общерусскому произношенію нѣкоторыхъ фонетическихъ особенностей, появившихся на послѣдующихъ ступеняхъ развитія русскаго языка или свойственныхъ только нѣкоторымъ говорамъ (замѣна *ъ* черезъ *е*, мѣна *у* и *в* и др.). Та же манера не останавливаться обстоятельно на географическомъ распредѣленіи особенностей народныхъ русскихъ говоровъ, при объясненіи общихъ звуковыхъ явленій, бросается въ глаза и въ другихъ важныхъ трудахъ Колосова, даже въ его „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“ (1878).

Нѣсколько исключительное положеніе въ ряду трудовъ по историческому изученію русскаго языка занимаютъ обширныя и разнообразныя сочиненія А. А. Потебни. Онъ „соединялъ въ одно цѣлое всѣ три извѣстные метода, такъ что его методъ можетъ быть названъ сравнительно-историко-филологическимъ“ (Будиловичъ). Онъ представляетъ собою едва ли не единственнаго во всей славянской наукѣ языковѣда-философа, который въ изображеніе историческаго развитія внутренняго склада русскаго языка внесъ чисто-философское освѣщеніе, навѣянное какъ западно-европейскими трудами по сравнит. языковѣдѣнію вообще, такъ воззрѣніями Штейнталя въ особенности. Въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ, преимущественно подъ самыми общими заглавіями, Потебня касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ изъ области фонетики, діалектологіи, семасіологіи и преимущественно синтаксиса. Книга. „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, т. I, представляетъ собою соединеніе статей 1873—1876 гг. Здѣсь, въ противоположность взгляду Колосова, проводится взглядъ на исторію русскаго языка, какъ на исторію отдѣльныхъ нарѣчій, которыя, по мнѣнію Потебни, начали опредѣляться еще до XI в. Какъ въ этомъ (т. II—IV), такъ и въ другихъ трудахъ фонетическаго и грамматическаго характера („Этимологическія и другія замѣтки“ не др. ст.) подъ перомъ Потебни получили себѣ освѣщеніе многія явленія русскаго языка. 1) Начальное русское *о* = старосл. *ю*. 2) Вопросъ о происхожденіи глухихъ *ъ* и *ь* разсматривается въ связи съ данными литовскаго языка; глухіе долго жили

и имѣли соответствующее произношеніе въ русскомъ языкѣ, что видно изъ нотныхъ книгъ и сѣверно-великорусскихъ грамотъ XIV—XV вв. (ср. договоръ Мстислава съ Ригю); „въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ на концѣ, они въ свр. доходятъ вплоть до нашего времени“. 3) Первое полногласіе—возстановленіе соответствующаго древняго общеславянскаго сочетанія: *молодь* вышло изъ *младъ*, восходящаго къ общеславянскому (*мѣлдь* согл.+ар, ал+согл.). 4) „Второе полногласіе“, свойственное преимущественно сѣверно-великорусскому нарѣчію XIV—XV вв., встрѣчается и въ другихъ нарѣчіяхъ и восходитъ къ самому древнему періоду. Оно состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ эпохи написанія древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, памятниковъ были гласные плавные или *рѣ*, *лѣ* между двумя согласными,—согласн—*рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ*—согласн. (=группамъ древнѣйшей эпохи: согласн+*эр*, *ья*, *ьл*, *ьл*+согл.),—въ русскомъ языкѣ могутъ являться группы *эрѣ*, *ьлѣ*, *ьрѣ*, *ьлѣ*. Такъ, новгор. *верехъ* восходитъ къ древне-русск. *вьрѣхъ*, вышедшему изъ церк.-слав. *вьрѣхъ*=*вьрхъ* древнѣйшей эпохи. Подробное раскрытіе это явленіе нашло себѣ въ трудахъ А. И. Соболевскаго (Лекціи, 3-е изд., 25 и слѣд.) и Шахматова. У Ягича—отрицательное отношеніе къ нему. 5) Позднѣйшее русское *ж* (=жѣд=dj) развилось изъ исконнаго древне-русскаго *дж*.—Важная заслуга Потебни заключается въ систематическомъ сопоставленіи фактовъ древняго и современнаго языка русскаго, на томъ основаніи, что „памятники прошедшаго самі по себѣ, безъ сравненія съ настоящимъ, никогда не бываютъ достаточно ясны“. Въ примѣненіи къ малорусск. нарѣчію Потебнею сдѣланъ былъ выводъ, что „раздробленіе русскаго языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII в., потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого великорусскаго нарѣчія на сѣверно-великор. и южно-великор., и такое раздѣленіе уже предполагаетъ и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ cadaго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга“ („Два изслѣд. о звукахъ русскаго языка“. 1866, стр. 139.). Въ другомъ мѣстѣ Потебня относитъ раздѣленіе русскаго языка даже ко времени до XI в. („Къ исторіи звуковъ“, 29), на чемъ настаивалъ Максимовичъ. Характерныхъ

признаковъ, издавна отличавшихъ малорусское нарѣчіе, у Потебни указано сравнительно немного: количественное различеніе гласныхъ *о* и *е* въ слогахъ „среднихъ и прямыхъ“, переходъ *е* въ *о* послѣ шипящихъ, *г*=*h*, позднѣе появившееся смѣшеніе *у* и *в*, измѣненіе *л* въ *в*.

Особеннаго вниманія потребовало отъ меня изученіе классическаго труда Потебни по историческому синтаксису русскаго языка: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (I—II, 1874, 2-ое изд. 1889, III, посмертное изд. 1899). Богатство содержанія этого труда становится особенно очевиднымъ при сравненіи его съ соответствующими главами грамматикъ Востокова и Буслаева. И въ общемъ пониманіи философіи языка, и въ своихъ синтаксическихъ построеніяхъ и обобщеніяхъ Потебня стоялъ подъ ближайшимъ вліяніемъ Штейнтала. Поэтому для пониманія Потебни я обратился къ Штейнталу, къ его *Charakteristik der hauptsächlichen Typen des Sprachbaues* (1860) и *Der Ursprung der Sprache* (3-е изд. 1877). Подвергая критическому разбору взгляды различныхъ лингвистовъ и особенно теорію Гумбольдта, Штейнталь приходитъ къ заключенію, что послѣдній крайне спутанно представлялъ себѣ отношеніе между рѣчью и мыслью. Противорѣчія, созданныя Гумбольдтомъ, разрѣшаются Штейнталемъ; въ существѣ языка, которое Гумбольдтъ понималъ въ формѣ субстанции, Штейнталь видитъ просто психическій процессъ. Частіе, языкъ не тождественъ съ мышленіемъ, но есть лишь извѣстная форма мышленія; языкъ—это мышленіе въ опредѣленіи самосозерцанія (*Denken in den Bestimmungen der Selbstanschauung...*, *Charakteristik...*, 103); въ формахъ рѣчи выражается дѣятельность представленій.—Исходя изъ такихъ взглядовъ на языкъ, Потебня интересовался въ языкѣ наиболѣе интеллектуальной его стороной: его синтаксисомъ. „Слово“ Потебня опредѣляетъ, какъ „единство членораздѣльнаго звука и значенія, соединеннаго съ нимъ“... „Употребляясь въ рѣчи, оно каждый разъ соответствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е., имѣетъ не болѣе одного значенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ что каждое слово, употребляемое даже съ однимъ опредѣленнымъ значеніемъ, но поставленное въ различныхъ формахъ, есть уже иное слово, напр. *верст-а*, *верст-ы*, *верст-ъ*“ (1, 9 стр.). „Представленіе“ (—„знакъ“ въ словѣ) есть веще-

ственное сосредоточеніе предикатовъ, количествомъ и качествомъ которыхъ, кромѣ звука, различаются соответственныя слова. „Корень слова есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ остальныхъ знаменательныхъ сочетаній и по устраненіи звуковыхъ случайностей“ (14—15). Грамматическое отвлечение корня отъ словъ, по мнѣнію Потебни, не различается отъ логического отвлечения понятія изъ реальныхъ предметовъ. Соответственно этому грамматическія категоріи — это рубрики, по которымъ классифицируются наши представленія, точнѣе — отдѣльные акты мысли, производящіе такую классификацію. Тѣ же акты мысли, апперципированные въ частяхъ рѣчи и выражающіе отношеніе сказуемаго къ подлежащему, опредѣленія къ опредѣляемому, дополненія къ дополняемому, составляютъ и части предложенія. — Подъ такимъ угломъ зрѣнія у Потебни разсматриваются различныя формы рѣчи и части предложенія: глаголь — сказуемое, вторые косвенныя падежи, неопред. наклоненіе, творительный падежь на мѣстѣ вторыхъ падежей (твор. образа дѣйствія), элементъ отвлеченности въ существительныхъ качества, происхожденіе и согласованіе прилагательныхъ, переходъ приложній въ предложенія, предикативность существительнаго и мн. др. — Попытку упрощенія и уясненія научнаго синтаксиса Потебни находимъ въ двухъ новѣйшихъ трудахъ: 1) „Синтаксисъ русскаго языка въ изслѣдованіяхъ Потебни“ И. Бѣлоруссова 1902; 2) „Синтаксисъ русскаго языка“ проф. Д. И. Овсянникова Куликовскаго.

Оживленная разработка малорусскаго нарѣчія была вызвана серьезными трудами П. И. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (1876) и „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.“ (1888). Въ первомъ трудѣ Житецкій поставилъ себѣ цѣлью сравненіе звуковыхъ элементовъ современнаго малорусскаго нарѣчія, въ различныхъ его говорахъ, съ первозвуками, изъ которыхъ они образовались и которые разсѣяны въ памятникахъ древняго и средняго періода русскои письменности (17 стр.). Какъ показалъ Потебня въ своемъ отзывѣ о трудѣ Житецкаго (20-е присужденіе наградъ Уварова), его теорія не вездѣ выдерживаетъ критику. Во второмъ трудѣ Житецкій больше удѣляетъ вниманія историко-литературнымъ со-

ображеніямъ, иногда довольно общаго характера, чѣмъ изслѣдованію звуковъ и формъ. Тѣмъ не менѣе, матеріалъ, собранный Житецкимъ, имѣеть значительную цѣнность,—и мысль, что древне-русскій языкъ IX—XII вв. представлялъ собою живую мозаику племенныхъ говоровъ, развившихся потомъ въ нарѣчія, нашла себѣ дальнѣйшее подтвержденіе въ трудахъ по исторіи и діалектологіи р. языка.

Послѣдніе результаты историческаго изученія русскаго языка находимъ въ классическихъ трудахъ А. И. Соболевскаго. И большіе труды его, и отдѣльные этюды, и частныя изслѣдованія имѣють въ настоящее время очень важное значеніе. Они отличаются точнымъ методомъ и полны самыхъ богатыхъ, цѣнныхъ, иногда совершенно новыхъ, результатовъ, основанныхъ на обстоятельномъ изученіи фактическаго матеріала. Раннѣйшій трудъ Соболевскаго, подъ общимъ заглавіемъ „Изслѣдованіе въ области русской грамматики“ (1881), представляетъ собою разсмотрѣніе историческаго развитія нѣкоторыхъ древнихъ падежныхъ и глагольных формъ. Широкое сравненіе данныхъ, извлеченныхъ изъ рукописей, и особенностей живыхъ народныхъ говоровъ приводитъ изслѣдователя отъ хронологіи памятниковъ къ праславянскимъ явленіямъ, соответствующимъ русскимъ. — „Очерки изъ исторіи русскаго языка“ (1884) посвящены характеристикѣ древнерусскихъ говоровъ на основаніи изученія значительнаго количества памятниковъ древне-русской письменности. Главной характерной чертой галицко-волинскаго говора служитъ $\text{ѣ} = e$ (*кампъне, триднѣвныи, мѣчь*), которое, по мнѣнію Соболевскаго, вышло изъ *e* путемъ удлиненія его послѣ паденія глухихъ и позднѣе превратилось въ *i* (*розка—різка*). Изъ другихъ примѣтъ галицко-волинскаго говора отмѣтимъ сліяніе *ы* и *и* въ одинъ звукъ, отвердѣніе *e* и находящихся предъ нимъ согласныхъ, переходъ *e* въ *у* и наоборотъ, $г = н$. Такъ какъ подобныхъ примѣтъ Соболевскій не нашель въ древнихъ памятникахъ кievскаго происхожденія, то онъ пришелъ къ выводу, что древній кievскій говоръ былъ совершенно отличенъ отъ древняго галицкаго нарѣчія и принадлежалъ къ числу говоровъ великорусскихъ. — Путемъ обстоятельнаго разсмотрѣнія древнихъ памятниковъ псковскаго происхожденія XIV в. (9 рукописей) устанавливаются главные отличительные признаки

псковскаго говора: мѣна *ж* и *з*, *ш* и *с*, переходъ *е* въ *а*, даже подѣ удареніемъ; другіе признаки общи съ другими сѣвернорусскими говорами: мѣна *ц* и *ч*; *жг* вм. *жж*. (= ц. сл. *жд*); 1 л. мн. ч. *ме*; замѣна *ѣ* черезъ *и*; замѣна неудараемаго *о* черезъ *а*, удар. *е* черезъ *и* и др. — Дальнѣйшему изученію древне-русскихъ говоровъ по памятникамъ древней письменности посвященъ цѣлый рядъ статей въ Р. Ф. В. (1884 г. „Два древнихъ памятника галицко-волынскаго нарѣчія“, „Выголексинскій сборникъ XII — XII в. и Архивная Лѣствица XIII—XIV вв.“ 1886 г. „Смоленско-полоцкій говоръ въ XII—XIV вв.“; 1888 г. „Псковскій Трефолой 1446 г.“), въ Журналѣ мин. нар. пр. (1885 г. „Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ“ и др.). Самый обширный трудъ Соболевскаго это—„Лекціи по исторіи русскаго языка“ (1-ое изд. 1888; 2-ое 1891; 3-ое 1903). Здѣсь впервые разрозненныя историческія явленія русскаго языка предстали въ стройной послѣдовательности и получили цѣнное, всестороннее и глубокое освѣщеніе. Въ противоположность Миклошичу, авторъ придерживается того взгляда, что русскій народъ, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи, единое цѣлое, и на этомъ основаніи разсматриваетъ исторію русскаго языка въ цѣломъ, а не въ отдѣльныхъ его нарѣчіяхъ. Этотъ трудъ, служившій для меня настольной книгой, слишкомъ богатъ по своему содержанію, фактическому матеріалу и выводамъ и въ то же время слишкомъ общезвѣстенъ, чтобы мнѣ нужно было излагать его содержаніе и дѣлать характеристику.—Цѣнныя и законченныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ ихъ развитіи и въ современной наличности находимъ въ „Опытѣ русской діалектологіи“. — Церковно-славянскій языкъ также нашель себѣ цѣлую обработку въ трудахъ Соболевскаго, преимущественно въ изданіяхъ: „Древній церковно-слав. языкъ, фонетика“. М. 1891 г. и „Церковно - слав. морфологія. Курсъ лекцій. 1904 г. СПб. университетъ“ (послѣднее литогр. изд.).

Труды А. А. Шахматова отличаются стремленіемъ не только констатировать, но и объяснить до тонкости всѣ звуковыя явленія. Характерной чертой лингвистическихъ трудовъ Шахматова, какъ послѣдователя школы Фортунатова, является попытка органически связать наличное состояніе русскаго

языка съ его отдаленнымъ прошлымъ, объяснить наличность современныхъ діалектовъ историческими данными. Въ первой крупной работѣ „Beiträge zur russischen Grammatik“ (Archiv. VII), написанной по поводу соч. Соболевскаго „Исслѣдованія въ области р. гр.“, прибавлены нѣкоторыя новыя, сравнительно съ указанными Соболевскимъ, примѣты южно-русскаго нарѣчія, напр., переходъ *ть и* въ—*ти и*, 3 л. ед. и мн. числа. Вообще же здѣсь впервые затронуть вопросъ о примѣненіи примѣтъ древне-русскихъ памятниковъ къ опредѣленію древне-русскихъ нарѣчій и объ отношеніи отдѣльныхъ памятниковъ къ этимъ примѣтамъ (Ягичъ). „Исслѣдованіе о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вв.“ (СПб. 1886), вмѣстѣ съ изданіемъ 20-ти грамотъ, заключаетъ въ себѣ обстоятельную характеристику ихъ письма и языка. Особенно важны здѣсь выводы относительно *ѣ*. Какъ и Потебня Шахматовъ видитъ въ древне-русскомъ, какъ въ частности и въ малорусскомъ, ѣ характеръ дифтонга, *ѣ=je, ѣe, ѣи, ѣe*, между тѣмъ какъ въ старославянскихъ памятникахъ *ѣ=e*. Отсюда ихъ смѣшеніе въ церковнославянскихъ памятникахъ русскаго извода.—Въ „Исслѣдованіяхъ въ области русской фонетики“ (1893) подвергается разсмотрѣнію историческая судьба звуковъ *о* и *е* въ русскомъ языкѣ, при параллельномъ освѣщеніи другихъ важнѣйшихъ вопросовъ русскаго вокализма. Статья „Къ вопросу объ образованіи нарѣчій и русскихъ народностей“ (Ж. мин. нар. пр. 1899, т. 322) заключаетъ въ себѣ сопоставленіе племенныхъ различій русскаго народа съ данными исторической діалектологіи.—„Русское и словенское аканье“. Общій выводъ здѣсь тотъ, что словенское аканье есть результатъ уподобленія краткой гл. *о*—болѣе широкой гл. *а*; русское же аканье вызвано процесомъ, сходнымъ съ тѣмъ, который еще въ общеслав. языкѣ провелъ различіе между редуцированнымъ *ъ* и *ь* въ зависимости отъ различнаго положенія: при одномъ положеніи *ъ, ь* въ отдѣльн. славян. языкахъ вполнѣ исчезли, при другомъ—перешли въ гласныя полного образованія. — „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ (СПб. 1903). Здѣсь разсмотрѣнъ вопросъ о второмъ полногласіи, объ удвоенныхъ основахъ съ третьимъ полногласіемъ и нѣк. др. явленіяхъ, при широкомъ пользованіи фактическимъ матеріаломъ. — Очень важно также „Исслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в.“